

НАТАЛЬЯ ПАВЛИШЕВА

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ ЛЮБОВНЫЕ ИСТОРИИ

ЕКАТЕРИНА
И ПОТЕМКИН

ФЯВОРИТ ИМПЕРАТРИЦЫ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Великолепные любовные истории

Наталья Павлищева

**Екатерина и Потемкин.
Фаворит Императрицы**

«Яуза»

2014

Павлищева Н. П.

Екатерина и Потемкин. Фаворит Императрицы /
Н. П. Павлищева — «Яуза», 2014 — (Великолепные любовные истории)

Ее ославили как «Северную Мессалину» и «распутницу на троне». О ее «сластолюбии» и «ненасытности» ходят легенды. Историки до сих пор спорят, сколько любовников было у Екатерины Великой – десятки или сотни? Но лишь одного из фаворитов она любила по-настоящему, всю жизнь, даже после разлуки, лишь с ним тайно сочеталась браком, лишь он был достоин ее страсти и стал «ночным императором» России – Григорий Потемкин. Как крестьянский сын покорил сердце Императрицы? Чем сумел не только привлечь, но и удержать эту великую женщину? Легендарной мужской силой? Но у нее никогда не было недостатка в «гвардейских жеребцах». Острым умом, бешеной энергией, государственным талантом? Тем, что никогда ничего не просил – она все давала сама – и свято хранил тайну их брака? Или готовностью принять ее такой, как есть? (Говорят, даже когда их страсть угасла, Потемкин продолжал оставаться хозяином императорской спальни, лично подбирая для Екатерины юных любовников, чтобы были красивы, здоровы, в меру умны, не дерзили и не рвались к власти...) Не судите эту пару слишком строго – они не были простыми смертными и жили совсем в другую эпоху, когда альковные утехи зачастую определяли политику, личная жизнь Императрицы была делом государственной важности, а ее тайный супруг – одним из крупнейших государственных деятелей столетия. **НОВАЯ** книга от автора бестселлеров «Первая страсть Екатерины Великой» и «Последняя любовь Екатерины Великой» фактически закрывает тему, став кульминацией трилогии о незабвенной екатерининской эпохе, которую по праву величают «Золотым веком» Российской империи, о грандиозных свершениях, сердечных тайнах и любовных секретах легендарной Императрицы. Ранее книга выходила под названием «Екатерина и Потемкин. Тайный брак Императрицы».

© Павлицева Н. П., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

После переворота	7
Коронованная императрица	18
Умные люди нужны...	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Наталья Павловна Павлищева Екатерина и Потемкин. Фаворит Императрицы

После переворота

«Все дело заключалось в том, чтобы или погибнуть вместе с сумасшедшим, или спастись вместе с народом, который хотел избавиться от него. Если бы он вел себя благоразумней, с ним бы ничего не случилось...»

Это Екатерина написала через много лет после переворота, вознесшего ее на вершину власти, а в конце июня 1762 года ни времени на раздумья, ни самих раздумий не было. Да и выбор у нее оказался невелик – либо переворот с воцарением, либо Шлиссельбургская крепость и недолгая тоскливая жизнь в сыром каземате вместе с сыном Павлом.

Екатерина выбрала первое и победила, став императрицей российской.

За Петра некому оказалось заступиться. Никому и в голову не пришло заступаться, даже Лизка Воронцова с сородичами, уж на что зависела от свергнутого императора, но лишь покаянчилась, чтоб разрешили пожить с ним рядом, а получила отказ и спокойно уехала в свою подмосковную деревню.

Рука императрицы на мгновение замерла над листом бумаги, это не было официальное послание, скорее записка, но достаточно важная для нее самой.

Куда девать поверженную фаворитку?

Лизка Воронцова Екатерине при дворе не нужна вовсе, никто и так не понимал, почему обиженная жена не мстит за свое многолетнее поругание полюбивнице. Воронцову не только не бросили в крепость, не постригли в монастырь, но и вовсе просто отправили в собственное подмосковное имение.

Нашлись те, кто шептался, мол, Лизкина сестрица Катька Дашкова за опальную похлопотала. Это было смешно, потому что Дашковой дай волю – она сама сестру в оковы заковала бы! И Екатерина Дашкова тоже не понимала подругу – новую императрицу Екатерину Алексеевну: ну чего с Лизкой возиться, мало от нее, паскуды, неприятностей претерпели?!

А государыне бедолагу по-женски жаль: некрасивая, рябая, неопрятная, вся прокуренная... где уж такой мужа сыскать, если еще и в опале будет? Пусть пока в подмосковной поживет, потом мужа сыщут, может, семья и сладится. Не все мужчины на женскую красоту падки, некоторым и рябую рожу подавай, вон, бывший император лучше Лизки никого для себя не знал...

Перо опустилось на бумагу, побежали буквы, складываясь в слова... Екатерина очень старалась быть русской и язык учила, и обычаи, но не все получалось так хорошо, как хотелось бы, говорила с акцентом, а писала и того хуже. Прежняя императрица Елизавета Петровна не пожелала, чтобы жена племянника была очень грамотной, приказала прекратить ее учебу, как только поняла, что Екатерина легко превзойдет и ее саму. Оставалось учиться самой по книгам, благо в них недостатка не было. Но самостоятельно грамматике выучиться трудно, вот и хромал русский язык у матушки Екатерины Алексеевны всю жизнь...

«Перфильич, сказывал ли ты кому из Лизаветиных сродственников, чтобы она ко двору не замахнулась, не то боюсь по скудоумию да ко всеобщему соблазну завтра же прилетит...»

Иван Перфильевич Елагин, которому адресовалась записка, возвращен из ссылки сразу же после воцарения Екатерины, как и Бестужев. Перфильевич многое знал о новой импера-

трице тайного, потому что поддерживал их с Понятовским и хорошо помогал влюбленным, за что и был пятнадцать лет назад Елизаветой Петровной сослан одновременно с Бестужевым.

Забегая вперед, можно сказать, что бывшая фаворитка Петра III Елизавета Романовна Воронцова не только не была подвергнута опале со стороны Екатерины II, но и выдана ею замуж за бригадира Полянского, а сама Екатерина даже стала крестной ее сына! Хотя запрет появляться при дворе действовал до самой весьма нескорой смерти Лизки, но в свете она бывала, в Москве и Петербурге жила, правда, замечали госпожу Полянскую мало...

Григорий Орлов лежал, опершись на согнутую в локте руку, и наблюдал за любовницей. Императрица... Конечно, пока только по названию, потому и торопится короноваться. Но для Гришки она была скорее просто женщиной. Крепкая, сильная, неутомимая в ночных ласках, рядом с Екатериной он чувствовал себя освободителем.

Братья Алексей, которого все звали Алеханом, и Иван относятся к Екатерине иначе. Алехан все рвется Катю на трон посадить и рядом встать. Он не менее красив, чем Гришка, если бы не шрам через половину лица, Катю старшему брату ни за что не уступил бы. В глубине души Григорий понимал, что брат умней, сильней, а главное, хитрей его, но Екатерина привечала больше Гришу, Алехан не мешал, только следил, чтоб кто другой близко к Великой княгине, а теперь императрице, не подходил. Братья были дружны.

А вот Иван – тот осторожничал. И чего боится? Иван из Орловых самый старший, есть еще два брата младше Алехана – Федор и Володька, но те мальцы пока; Владимира вовсе ни во что не вмешивали – успеет башкой порисковать. Иван боялся, чтобы Катю не сбросили, а за ней и Орловы не пострадали.

Григорий снова глянул на одевавшуюся Екатерину. Кто ее сбросит? Вон она, живая, теплая... Вдруг страшно захотелось заграбастать в охапку и повалить в постель. Словно чувствуя желания любовника, Екатерина вздохнула:

– Ты спи, Гриш, тебе можно. А мне вон сколько бумаг разбирать... Одних прошений десятки не рассмотренных.

Хотела добавить, мол, помог бы, но подумала, что не стоит Орлову поручать то, что должна сама делать.

Борясь с возникшим желанием, Григорий перевернулся на другой бок. Такое повторялось каждое утро – она вставала ни свет ни заря, сама одевалась, умывалась и садилась работать. Любовник оставался скучать в постели. Правда, разбуженный Орлов легко засыпал снова, и сама Екатерина старалась не шуметь, но у Гришки все же шевелилась совесть.

Мелькнула мысль: помочь, что ли? Проваливаясь в сладкий сон, решил: ладно, потом...

Орлов и правда помогал; постепенно многочасовая работа любовницы стала затягивать и его, стыдно валяться в постели, когда Катя рядом над бумагами корпит, ворчал, что не своим делом занимается, но все же старался и сам вникнуть.

Иногда Григорий разбирал прошения, чтобы хоть отсортировать те, на которые стоило обратить внимание Екатерине.

– Ишь какой! Верни ему имения, которые за участие в заговоре отобрали были! – Орлов заглянул в подпись. – Василий Минович... Катя, а чем мятеж от заговора или переворота отличается? Не одна ли суть?

Екатерина лукаво усмехнулась:

– Суть одна, да только результат разный. Заговор, когда все в мыслях да словах остается, мятеж – ежели бунтовали, да неудачно, а вот ежели удалось – так переворот.

– У нас переворот! – объявил Орлов, швыряя бумагу в стопку тех, на которые следовало обратить внимание в последнюю очередь. Знать бы, к чему это приведет!

Это действительно был переворот, приведший к воцарению Екатерины и к гибели Петра III, переворот, не встретивший никакого сопротивления, слишком нелюбим был Петр Федорович всеми...

Сначала казалось, что переворот прошел легко и безболезненно, если не считать, конечно, убитого императора, вернее, бывшего императора Петра III. Екатерина не стала никого наказывать или ссылать, даже активный помощник Петра Миних, настаивавший на казни самой Екатерины, всего лишь отправлен в Ревель, что едва ли можно считать наказанием. А уж наград и подарков роздано несметное количество! Не забыт никто из поддержавших новую правительницу: от Орловых до простых солдат столичных полков, люд петербургский кормлен, поен за счет казны от пуза несколько дней.

Понравилось, все казалось, еще не конец, снова нужно кого-то свергать, кого-то славить. Первые дни пьяные гвардейцы, веря любым слухам, то и дело требовали императрицу показаться, чтобы убедиться, что с ней ничего дурного не случилось. Но постепенно государыня с немецкой педантичностью принялась приводить дела в порядок.

Полки, участвовавшие в перевороте, были успокоены, возвращены в казармы и к своей прежней службе; наказанные и сосланные сначала Елизаветой, а потом Петром, сторонники самой Екатерины возвращены из ссылки, остальная работа и не прерывалась, разве что на пару первых дней.

И все равно, многим показалось, что их обделили, что кто-то рядом получил чуть больше, хотелось еще и еще подарков и наград, особенно гвардии. Завидовали братьям Орловым...

Екатерина сразу же столкнулась с серьезным сопротивлением воспитателя своего сына Павла. Казалось бы, Никита Иванович Панин должен быть благодарен Екатерине больше других: что ожидало его в случае помещения в крепость Павла Петровича? Только соседняя камера. Ведь Петр III сына даже наследником не назвал и намеревался отправить в Шлиссельбургскую крепость вместе с матерью – Екатериной! Воспитателю царевича Павла Панину – прямая дорога туда же.

Но благодарность не входила в число достоинств умного Панина; он желал не воцарения Екатерины, а лишь ее регентства. Свергнут и убит Петр III? Прекрасно, значит, новым императором должен быть провозглашен юный Павел Петрович, а его мать Екатерина – только регентшей, причем в составе регентского совета. Ну и что, что это ради нее гвардейцы совершили переворот? Гвардейцы уже награждены, достаточно и того...

Вернувшийся из ссылки Бестужев тоже не считал возможным оставить Екатерину единственной правительницей, но полагал иначе. Юный Павел на троне ему вовсе не нравился, потому как означал власть Панина: выход бывший канцлер видел в срочном замужестве Екатерины, только уже безо всяких голштинских родственников!

Казалось, Бестужев прав, немка на троне, причем просто свергнувшая, пусть и голштинца по рождению и духу, но все же внука Петрова, – это очень зыбко, тут для любых заговоров раздолье. В голове бывшего канцлера гранитной глыбой засела мысль о новом замужестве Екатерины.

Екатерине нужен муж, только кто?

Бестужев не придумал ничего лучше, как предложить Ивана Антоновича – царевича, еще в младенчестве свергнутого Елизаветой Петровной. Сам понимал, что нелепо, ведь Иван Антонович умом тронулся и от двадцати лет заключения одичал совсем, к тому же нездоров, зато законный государь. О том, как отнесется гвардия к воцарению того, кого эта же гвардия, пусть и двадцать лет назад свергла, Бестужев почему-то не думал.

Конечно, была еще кандидатура Григория Орлова, но он уж слишком незнатен и к тому же беспокоен, от этого малого ожидать можно чего угодно. Нет, такой государь означал бы одни хлопоты...

Самой «невесте» заниматься такими глупостями было попросту некогда. Она не говорила ни да ни нет Панину, лишь намеками обещая (чтобы не злить раньше времени) отдать власть Павлу, когда тот станет совершеннолетним, спокойно выслушивала Бестужева, спала с Григорием Орловым, успокаивала гвардию, раздавала милости и награды и... работала. Почему-то этого никто и не заметил.

Княгиня Екатерина Дашкова, сестра бывшей фаворитки Лизки Воронцовой, все не могла успокоиться; ей казалось, что государыня должна продолжать свое триумфальное шествие. Куда? Какая разница, главное, чтобы все бурлило, кипело, чтобы кричали «Виват!», а главное, в чем-то участвовала она сама.

Выслушивать вместе с императрицей доклады министров и чиновников или разбирать скучные бумаги Дашковой казалось невыносимым. Разве это правление?! Для бумаг существует Сенат, для разных дел – чиновники, а императрица должна блистать и вдохновлять подданных. Неугомонная подруга, решившая, что ее вклад в переворот недооценен, хотя сама она не смогла бы объяснить в чем, кроме присутствия везде рядом с Екатериной, он выразался, обиделась, особенно когда увидела, что Григорию Орлову отдается предпочтение не только в постели, но и в некоторых делах.

А Екатерине оказалось просто некогда обсуждать с довольно навязчивой подругой все подробности – она разбиралась с делами в государстве.

Екатерине предстояла первая встреча с Сенатом. Одно дело – войти во дворец при поддержке гвардии и объявить Петра низложенным, и совсем другое – теперь показать господам сенаторам, что она не слабая немка, нечаянно вознесенная судьбой на самую вершину власти, а действительно государыня. Императрице требовалось отвлечь Сенат от обсуждения возможности регентства или замужества и перевести все речи на обсуждение насущных дел, коих за время последних лет бездеятельности Елизаветы Петровны и неумного правления Петра III накопилось немало. Чем скорее эти дела будут сделаны, чем скорее в стране будет наведен хоть какой-то порядок, тем выше вероятность, что ее не скинут, как Петра, только теперь в пользу Павла.

Екатерина не была против правления сына, но он еще совсем мал, значит, обязательно регентство. Однако императрица понимала, что в качестве регентши будет связана по рукам и ногам, значит, ничего сделать самой не дадут, и пока подрастет Павел, хаос только усилится.

Никто не знал, сколько часов она провела в раздумьях о том, стоит ли взваливать на свои плечи такую обузу, как управление крупнейшей империей, ни просторов, ни проблем которой не охватить. Екатерина разговаривала, улыбалась, отвечала на вопросы и задавала их сама, кому-то возражала, с кем-то соглашалась, а внутри даже не всегда заметно для нее самой шло это осмысление.

Сначала, когда все только свершилось, казалось, что можно петь осанну, но практичная немка сразу попыталась разобраться: какой же страной предстоит управлять. Быстро поняла, что все много хуже, чем ожидалось.

– Гриша, голубчик, попроси, чтобы сходили к Разумовскому и мне купили атлас России.

Орлов изумленно уставился на пять рублей, которые достала из шкатулки Екатерина:

– А это зачем?

– Пусть купят большой, самый большой, какой только найдется в Академии атлас России.

У Разумовского есть такие...

– Да ты же императрица, Катиш, только скажи – так принесут. И к чему атлас-то, никак ехать куда-то собралась? Так найдется кому дорогу показать, – хохотнул красавец Орлов.

– Негоже императрице даром брать, не обеднею. Ехать никуда не мыслю, а атлас нужен, чтобы хоть понять, какова страна. Ты вот знаешь, что за Волгой?

– Нужна мне та Волга, мне и в Петербурге хорошо. Дикие народы там.

– А надо сделать, чтобы просвещенные были.

Орлов откровенно вытаращился на боевую подругу, ради которой недавно сильно рисковал жизнью.

– Мы за ради этого тебе власть брали, чтобы ты диких просвещала?

– Гриша, отправь за атласом, мне ноне в Сенат идти!

«Атлас» Кириллова действительно принесли, и сам Орлов разглядывал карты с не меньшим, чем Екатерина, интересом; все же в его красивой голове мозги имелись, только уж очень необразованные и ленивые. Императрица подумала, что просвещение надо начинать с собственного любовника, а уж потом добираться до волжских степей и дальше...

Отчеты чиновников были ужасающими. Казна пуста, если что и оставалось, то тут же выгребли на награды участникам переворота, но иначе нельзя, не наградишь – они кого другого приведут к власти. Екатерина не обольщалась насчет любви гвардии к себе лично, прекрасно понимая, что немку русские гвардейцы долго любить не станут, если только эту любовь не подогревать.

На щедрой, богатой земле трудолюбивый неглупый народ попросту бедствовал! Нет, крестьяне не голодали, земля щедро платила за работу на ней, но были настолько забиты своими хозяевами, настолько бесправны и беззащитны, что и людьми-то себя не всегда чувствовали. Ладно бы крестьяне, о них чиновники речь вели в последнюю очередь, но жаловались и мещане, и даже дворяне. Жаловались на мздоимство чиновников, на суды, на бесправие. Тюрьмы полны, что по дорогам, что по улицам городов ходить опасно, грабежи, разбой... Да и дорог-то нет, одни направления...

Екатерина помнила главную дорогу империи – из Петербурга в Москву, не раз ездила по ней с Елизаветой Петровной, помнила тряску, ухабы, темень и клопов на постоянных дворах. И это между двумя столицами, а что в стороне?

Атлас откровенно ужаснул, переворачивались страница за страницей, а конца империи все не виделось. Огромнейшая страна... Петербург на одном краю, а до другого и курьеру скакать да скакать месяцы. Подумалось, что на том краю, поди, и не ведают, что в столице власть поменялась, не мудрено, если о смерти Елизаветы Петровны только узнали. Стало смешно и страшно.

Смех она придержала, а страх безжалостно подавила. Как говорят русские? Взятся за гуж – не говори, что не дюж... Это значит, если уж назвалась императрицей, то ни пугаться, ни бездельничать права не имеет, иначе ей править так же недолго, как и мужу.

Трудно, ах, как трудно было противостоять, причем противостоять очень осторожно всем, кто помогал ей стать императрицей! Панин, Дашкова и даже Кирилл Разумовский настоятельно требовали, чтобы она согласилась всего лишь с регентством, каждый рассчитывая на свое влияние при малолетнем императоре Павле. Орловы желали, чтобы она немедля вышла замуж за Григория. Гвардия желала продолжения, только вот какого – не ведала и сама...

И никто не желал лично ее воцарения, называли матушкой-императрицей, кричали «Виват!», но все подразумевали, что лишь на время, только пока будет взростеть Павел, а значит, регентство.

Но Екатерина не собиралась становиться лишь куклой в руках придворных и их ширмой, она желала править сама, причем править толково и уверенно, она знала как. Это значило, что надо умиротворить всех, принимавших участие в перевороте, и срочно короноваться. Срочно, пока не опомнилась гвардия и ей не внушили, что императором должен стать малолетний Павел, как правнук Петра Великого, а не его мать-немка.

Екатерина щедрой рукой раздавала награды и подарки, следовали повышения по службе, получение новых владений, крестьян, денег...

Голштинские войска и голштинские родственники были спешно отправлены на родину. Сторонники и помощники сверженного императора ненадолго посажены под домашний арест, но как только присягали новой императрице, тут же освобождались: Екатерине ни к чему враги вокруг... Кто упорно не желал служить новой власти, отбыли в свои имения с наказом пересидеть тихо.

Екатерина постаралась вернуть все крупные долги мужа, даже если они сделаны ради покупки бриллиантов для фаворитки... Она награждала и награждала... Но все равно опасалась за прочность своей власти.

Однако боясь не боясь, а жизнь идет своим чередом, время терять нельзя, потому императрица и попросила Сенат собраться в Летнем дворце ради обсуждения положения дел в стране. Понимала, что скажут, готова была ко всему, но дела оказались хуже самых мрачных предчувствий.

Главное представление Сената – крайний недостаток денег. У бюджета 17 миллионов долга, армии, которая большей частью за границей, полгода не плачено содержание, чтобы ее вернуть, нужны немалые деньги...

– Господа Сенат, принадлежа сама государству, считаю свою собственность собственностью России, а потому употреблю все свои деньги на пользу общую...

Уловила усмешку сенаторов, усмехнулась сама:

– Этого не на многое хватит, но, как говорят, лиха беда начало?

Екатерина скромничала, личный бюджет императрицы составлял в те времена тринадцатую часть всего бюджета, хотя размеры самого бюджета никто толком не знал.

Потрясенным сенаторам понадобилось несколько секунд, чтобы осознать поступок императрицы; в это время сама Екатерина смотрела чуть насмешливо... Потом грянуло напряженно ожидаемое ею «Ура!».

Как после такого противиться отмене монополии на некоторые виды промышленности и торговли, даже если при этом страдают те же Шуваловы? Хитрая Екатерина поставила их в такое положение, когда отстаивать собственные интересы значило, по сравнению с государыней, показать свою скаредность и нежелание содействовать благополучию страны. А это опасно – стоит Екатерине слово сказать супротив таких жадных, разнесут в клочья.

Скрепя сердце соглашались.

А она настойчива, день за днем встречалась с сенаторами, что-то решала прямо на ходу после заданного вопроса, что-то откладывала для изучения и обсуждения.

Сенаторы жаловались на дороговизну хлеба в столице и в Москве.

– Как бы бунта не было...

– Временно запретить вывоз хлеба за границу.

– А соль?

– Так же.

К ее величайшему изумлению, в Сенате не знали твердого числа российских городов!

– Не знаете? Нужно посчитать по карте. Долго будет, да что делать...

Но карты не нашлось.

– Да вы атлас-то имеете?!

Смущенно признались, что нет. У Екатерины внутри колыхнулось законное чувство гордости, усмехнулась, повелев принести свой, купленный в Академии за пять рублей «Атлас Российской империи» Кириллова:

– Ну вот, и моя покупка к пользе пришлась.

Она быстро поняла, что в Сенате вообще не слишком хорошо знают не только реальное положение дел в империи, но и число ее жителей, а уж реальных доходов и расходов не представляют вовсе. Доход с огромной страны называли такой, что ахнула: шестнадцать либо семнадцать миллионов рублей в год.

Некоторое время Екатерина смотрела на сенаторов молча, потом поманила курьера, что за ним ходил:

– Открой «Атлас». И листай медленно, чтобы все господа сенаторы размеры России видели, коли не удосужились до сих пор разглядеть.

Сенаторы старательно тянули шеи, глядели, не понимая, чего она хочет.

– Велика Россия?

– Велика, матушка...

Хор голосов недружный; кто уже понял, что сейчас последует, и вовсе притихли, остальные тянули еле слышно.

– Велика, я спрашиваю?

Уже громче:

– Велика... зело велика...

– И с такой страны доход, как с большого имения?! С чего цифру взяли?!

Решился возразить только Шувалов:

– Так ведь и расходы немалые: флот содержим, армию, двор...

– Флоту давно не плачено, на двор не сваливай, без тебя знаю. Но в шестнадцать миллионов не верю. Отвечайте, откуда цифру взяли?!

– Камер-коллегия назвала...

– А они с чего взяли?

Глебов хмыкнул:

– Полагаю, по прошлым годам прикинули.

– По прошлым?! А отчего не двадцать или напротив двенадцать? А статс-коллегия?

– Расходы считает...

– Сколько людишек в России?

Тут сенаторы и вовсе плечами жали:

– Кто ж их знает...

– А счесть нельзя?

– Нет, матушка, как начнут считать, так волнения начинаются, потому как боятся быть посчитанными.

– А подати тогда с чего учитываются?

– По прошлым годам...

– Да ведь это прямой путь к злоупотреблениям сверху донизу! Коли подсчета и пригляда нет, воруи, кто как сможет!

Сенаторы только переглянулись, она что, не догадывается, что казнокрадство – один из доходных источников существования чиновников всех уровней?

Знала, все знала... Потому и торопилась не просто объявить себя императрицей, но и венчаться на царство.

Екатерина объявила, что короноваться будет в сентябре, дав на подготовку пышнейшего действия минимальный срок – пока не опомнились ни за границей, ни дома. Поручила, а сама занялась делами...

Орлов откровенно маялся:

– Катя, ну кто так царствует? Все сама да сама, на что те сенаторы нужны?

Она подняла глаза от бумаг:

– Кто? Я. Только я не царствую, а пытаюсь править. Сенаторам поручить все можно будет, когда дело наладится, а до того самой разбираться следует.

Григорий тоскливо поморщился:

– Так ведь пока наладится, и жизнь пройдет. В России отродясь порядка не было и бог весть будет ли.

Григорий и впрямь не понимал, зачем Екатерине нужно разбираться во всем, секретари бы разобрались и доложили, так, мол, и так... Дело императрицы только благоволить или отказывать. Конечно, любопытства ради можно и атлас разглядывать, чтобы понимать, насколько широко простирается твоя власть. Орлов сам был поражен, когда попытался осознать просторы империи, но уж свои деньги отдавать на государственные нужды – это и вовсе лишнее.

Когда пытался жаловаться Алексею Орлову, который большее влияние на Екатерину имел, чем он сам, тот хмыкнул:

– Верно Катя делает. Она сейчас свою власть укрепляет, вот когда коронуется да станет настоящей императрицей, тогда можно будет и передохнуть. А сенаторы к тому времени поверят, что за ними императрицын глаз есть, бояться будут. И что деньги свои в казну отдала – тоже молодец, ей вернутся сторицей, а славы много будет.

Алехан был прав и не прав одновременно: власть она действительно укрепляла, только и после коронации отдыхать не собиралась и славы за свою жертвенность не снискала, потому что почти никто об этом не узнал.

Григорий вздохнул:

– Ладно, потерплю.

Вздыхал потому, что Екатерина с пяти утра уж на ногах и за работой, столько бумаг за день прочитывает, пишет или диктует, что диву даешься.

Алексей Орлов удивлялся другому: Екатерина действовала так, словно все предвидела заранее, словно была готова к правлению. Пусть не ведала об истинном положении дел, но знала, что должен делать правитель. Постепенно он понял, что так и было: Екатерина была готова стать императрицей, и для нее властвовать не значило блистать на балу или гарцевать перед гвардией – она готовилась именно править.

Орловых пятеро, Гришка самый смазливый, Алехан не хуже, но у него шрам через все лицо, кабы не это, ни за что не упустил бы место рядом с Екатериной. Но самый главный среди братьев – старший Иван, как он скажет, так и будет. Недаром даже во время переворота он в стороне стоял, чтобы, если все провалится, суметь вытащить младших.

Однажды Алексей высказал свои сомнения Ивану; тот некоторое время думал, потом вздохнул:

– Она все правильно делает. Катерине, если сейчас свою власть не упрочить, долго не продержат. Но мыслю, что не только на первое время она делами заниматься будет. Катя баба умная, ей не просто корону, ей настоящую власть подавай, а власть, она не в балах да развлечениях, а в том, чтобы по ее было во всем. И придется с этим мириться. Гришке передай, что начнет выкобениваться, Екатерина его живо от себя погонит.

Алехан хмыкнул:

– Она Гришке, точно деревенская баба своему мужику, послушна.

– Только в постели. А в делах он никто, и скажи, чтоб не лез. Пусть не корит – она умней него в сотню раз. Скинут Катю, и нам не удержаться.

– Кто скинет? Гвардия не допустит!

– Гвардия? Гвардия первая же и скинет. Знаешь ли, что разговоры ведут, мол, раз Петра больше нет, так надобно Екатерине за Ивана Антоновича замуж идти, хватит уже баб на царствии.

– Чего?! Он же слабоумный да хилый!

– Зато законный правитель. А кому править и без того найдется – Бестужев, вон, копытом землю роет, Панин да еще толпа рвется в советчиках быть.

Беседовали еще долго, но главное Иван сказал, когда Алексей уже собрался уходить, почти у двери окликнул:

– Слышь, Алехан, Катя пришла надолго, нутром чую, что надолго. Только ей помочь надо. В постели пусть уж ее Гришка ублажает – он на большее не годится, ленив больно мозгами шевелить. А ты помогай делом, ей такая помощь куда нужней будет. Понял?

– Жениться Гришке на ней надо, тогда никуда не денется.

– Дураки вы оба! Баба и та вас умней. Какой из Гришки император? А сделает такую глупость, так и саму вон скинут, неужто не понятно? Вы лучше следите, чтоб рядом кто ловкий да занятный не оказался...

– Есть один... Сам Гришка и привел. Потемкин, тоже Григорий. Ловкий шельмец, статный, не хуже нашего брата, и сообразительный не в пример нашему.

– Надо постараться, чтоб его отправили куда с поручением. Подальше да подольше. И за гвардией следи: им дурные мысли, что тараканы, в головы лезут.

Иван Орлов был прав во всем: и в том, что в гвардейских полках снова началось брожение – они поверили, что могут диктовать волю государям; к тому же переворот произошел слишком быстро и легко, хотелось еще чего-нибудь, кого-нибудь на трон посадить, чью-нибудь судьбу решить...

Ивана Антоновича, императора, еще младенцем свергнутого и посаженного в крепость Елизаветой Петровной, почему-то считали русским. Вот уж в ком русской крови не было, считай, вовсе, так это в Иване Антоновиче! Сын Антона Ульриха Брауншвейгского и Анны Леопольдовны, он был еще менее русским, чем свергнутый и убитый Петр III. Но Ивана Антоновича в гвардии звали Иванушкой, считали обиженным и безвредным (потому как дурачок), а обиженным на Руси всегда сочувствовали. Мало кто из болтунов задумывался, что править такой император не сможет, а еще о том, каково было бы Екатерине с таким мужем. Много лет мучаясь из-за тяжелого нрава Петра, Екатерина ни за что не согласилась бы выйти замуж за человека, всю жизнь прошедшего без людей в камере крепости.

Тем не менее в гвардии действительно велись разговоры о восстановлении справедливости: мол, чего ради переворот совершали, чтобы немка или ее сынок на троне сидели, а русский император в крепости гнил. Как-то забывалось, что гвардейские полки и привели когда-то на трон дочь Петра Великого Елизавету Петровну, а для этого свергли Ивана Антоновича и его родителей.

Но Алехана больше беспокоило соседство с императрицей Григория Потемкина. Этот малоросс вылез как-то вдруг, оказался занятым малым, ловко подражавшим чужим голосам, был очень сообразителен и прекрасно образован. Екатерине с ним интересно, поговорить есть о чем, не то что с Гришкой Орловым, к тому же Потемкин легко мог и остроумием блеснуть... Иван прав – это опасно, и Потемкина надо срочно куда-то отправить.

Григорий Орлов выслушал брата хмуро, кивнул:

– Сам о том думал. Больно часто Гриць подле Кати оказывается.

Потому, когда Екатерина задумалась, кого отправить в Швецию с сообщением о событиях в России, Орлов, не задумываясь, предложил своего приятеля Потемкина, втайне надеясь, что тот провалится (все же не дипломат), попадет в опалу и уберется подальше. Императрица согласилась:

– Григорий Александрович справится, я думаю.

Потемкин поехал с ответственным заданием. Отношения со Швецией напряженные: посягательство на жизнь Петра III шведы запросто могли расценить как посягательство и на шведский трон тоже, ведь именно Петр должен был наследовать его.

Екатерина после переворота произвела Потемкина в подпоручики, пожаловала 400 душ и 10 000 рублей, потому как знала, что гвардейцы вечно в долгах. Красивый, рослый, веселый и остроумный, он прекрасно пел и заражал всех вокруг своей жизненной энергией. Таких приятно иметь рядом. Слишком приятно, чтобы соперники могли спать спокойно.

Григорий Потемкин по протекции Григория Орлова отправился с серьезным поручением в Стокгольм.

И ко всеобщему удивлению оказался там на высоте. Когда шведский король показал прибывшему из Петербурга курьеру захваченные в боях с русскими трофеи со словами, мол, вот сколько наши войска у ваших захватили, Потемкин не смутился и отвечал, что русские в ответ взяли городов немало, коими владеют и отдавать не собираются.

Вообще же он вел себя дружелюбно, весело, был обаятелен и надолго запомнился шведам. Да... если уж вот такие богатыри Екатерину к власти привели, то у них едва ли отберешь...

Медлительность убийственная! Екатерину возмущало неспешное движение дел что в Сенате, что вокруг нее самой. Сердилась, бывало пыхтела, но открытых разносов не устраивала, все пытаясь осторожно подтолкнуть к действию, но чтоб без обид.

«Александр Иванович! – писала она генерал-прокурору Сената Глебову. – Ужасная медлительность в Сенате всех дел принуждает меня вам приказать, чтоб в пятницу, то есть послезавтра, слушан был проект о ревизии господина Теплова, причем и ему быть также надлежит».

Григорий заглянул через плечо, усмехнулся:

– Что ты, Катя, с ними разговоры разводишь? Прикрикнула, чтобы завтра все было, тотчас и побежали бы меры принимать.

Она вздохнула, принимаясь за вторую записку:

– Голоса лишусь, потому как не приучены каждый день и споро работать, кричать каждый день придется. А потом и к крику привыкнут, перестанут внимание обращать.

– А ты их в Сибирь... Сибирь – она бо-ольшая... много сенаторов поместится.

– Эх, Гриша, не наказывать, а воспитывать надо, чтобы работать научились вовремя да решительно. А то у нас только в Сибирь решительно и отправляют. Всех погоню, кто дело делать станет?

Орлов снова пристроился читать то, что пишет императрица. На сей раз записка статс-секретарю Елагину, с ним можно иначе, он спор, да все одно. Тянучку любит: как не подтолкнешь, так дело валяться почти законченным месяцами может.

«Слушай, Перфильич, ежели в конце сей недели не принесешь ко мне наставлений по губернаторской должности да дело Бекетова, скажу, что тебе подобного ленивца на свете нет, да что никто столько ему порученных дел не волочит, как ты...»

И снова смеялся Григорий:

– Хочешь, я твоего Перфильевича разок тряну, как собачонка, в зубах сии бумаги через час принесет.

– Гриш, там дела на два дня. Ежели через час принесет, значит, будет недоделано, к тому же из Елагина душу вытрясти легко, а кто за него потом работать будет? Хочешь помочь, разбери вон бумаги, давно присланные.

Отдельной стопкой на столике лежали прошения, поданные еще сразу по восшествии на престол. Но их оказалось столько, что хоть вовсе спать не ложись, вовек не разобрать. Но Екатерина приказала не выбрасывать:

– После постепенно разберем.

Устраиваясь со стопкой бумаг на кушетке поудобней, Орлов вздохнул:

– Не умеешь ты, Катя, царствовать. Неужто все эти бумаги не могли секретари разобрать да свое слово сказать?

– Секретари из сил выбиваются, то, что я Перфильича ругаю, значит только, что он не по значимости бумагами занимается, а по своему хотению либо по времени поступления. На них слишком много работы навалилось.

– Так еще возьми, Россия велика, народу много, посади десяток секретарей, чтоб успевали, а тебе подавали готовое к подписанию.

Екатерина даже перо отложила.

– Умных много, да где их взять, чтоб и дело делали, и мне урону не нанесли? Давеча распорядилась одну бумагу написать, так искривили, что едва сама поняла, что в ней.

– Но не можешь же ты все сама делать?!

– Ежели не делать, то приглядывать и учить, да вот так подталкивать придется. Пока привыкнут, как надобно работать, буду сама...

Такие сцены бывали часто. Екатерина действительно искала людей толковых, опытных, но не хапуг, чтоб работали быстро и серьезно. На должности ставила осторожно, снимала редко. Немало лет прошло, пока приучила делать быстро, бумаги не заволакивать да на все вопросы толковые ответы давать. Больше всего не любила даже не медлительность, а неосведомленность. Ну как может Сенат не знать, сколько людей в России, хотя бы приблизительно, или количество городов в стране?! Как может губернатор города не ведать, сколько у него рынков да какие на них цены.

Вот этот вопрос потряс генерал-полицмейстера барона Корфа в Петербурге в первые же дни.

Когда новая императрица с утра вызвала его к себе и поинтересовалась, что на рынке сколько стоит, только рот раскрыл:

– Поваров, матушка, спросить следует, я сам на рынок не хожу...

Екатерина кивнула:

– Сам не ходи, завидя тебя, цены снизят, тебе вполтину отдадут, а мне правда нужна. Пусть тебе ежевечерне докладывают те, кто на рынке порядок держат, а ты по утрам мне будешь докладывать.

– А на что цены-то?

– А на все! Главное хлеб, соль да сено... Прежде то, что народ больше берет. Ты, Николай Андреевич, все знать должен, что почем у тебя в городе. Сам знать и мне докладывать.

С того дня и повелось: ежели императрица в Петербурге, то доклад полицмейстера обязателен. Даже когда Корф вышел в отставку, Екатерине докладывали ежедневно.

Однажды Орлов вернулся откуда-то веселый, на вопрос «Чем доволен?» стал рассказывать, какую знатную драку видел:

– Одни выбитые зубы горстями собирать можно! А носов расквашенных!..

– С чего дрались?

– А так... по пьянке!

Императрица нахмурилась:

– Пьют, а потом зубы бьют. Что в том хорошего?

– Не-ет, Катя, тебе не понять... Это – как раздолье, чтоб удаль свою показать.

– Глупая удаль, дурная. Прекратить надобно.

– Не сможешь! Хоть закон издавай, хоть в Сибирь отправляй, а пьяные и там драться будут. Воровство и пьянство на Руси неискоренимы.

– Глупо сие! Просвещать надобно, и супротив пьянства меры предпринять требуется.

– А вот это и впрямь глупо. Отыми возможность выпить, тебя завтра с престола снесут, и мы защищать не станем.

Катерина отвечать не стала, но написала указ о создании пикетов для прекращения пьянства, ссор и драк. Не помогло, хорошо, что за остальными делами не заметили, не то посмеялись бы над императрицей-немкой от души. Ведь даже ее фаворит обожал в подпитии пустить в ход кулаки... А будущий фаворит Потемкин даже серьезно от этого пострадал, правда, случилась беда позже.

Коронованная императрица

Ох и хитра да ловка! – эта мысль не единожды приходила в головы сенаторам и придворным во все следующие дни и даже годы.

Пусть и спешно, но широко и богато готовилась торжественная коронация в Москве. Сенат ворчал, мол, об экономии одни разговоры, а на деле вон какие деньжищи на празднества выбрасываются. Екатерина возразила всего лишь раз, но как!

– Я не на куртаги и маскарады тратить намерена, а на коронацию. Это не столько мне во славу, сколько России. Все видеть должны, какво ее богатство, мы всех затмить должны. Даже ежели кого из придворных за мой счет одевать придется.

Не пришлось – сами расстарались. И без того из пустой казны в долг потрачено немислимо. Для новой короны ювелирам выдан фунт золота и двадцать фунтов серебра. Екатерина ахнула:

– Это такую тяжесть да мне на голову?!

Панин чуть насмешливо фыркнул:

– Если для вас корона тяжела...

Императрица, поняв намек, улыбнулась:

– Выдержу!

Мантия тоже получилась роскошной: целых четыре тысячи горностаевых шкурок так ловко сшиты между собой, что казались единым сотканным полотном. Платье императрицы щедро усыпано драгоценными камнями. Блеск во всем...

– А монеты разбрасывать приготовили?

– Да, матушка, полтинники... Шесть тысяч штук... в каждой бочке...

– Чего это полтинниками, еще бы копейками раздавали! Рублевиками да серебряными!

– Поменяем, матушка, на рублевики.

– И чтоб те же шесть тысяч, и бочек не меньше.

Чиновники только вздохнули.

– Я после экономно жить стану, чтоб вы не вздыхали. На свечах экономить буду. Нет, на свечах не буду, скоро осень, по утрам читать темно. И на кофий не могу. Ну, ладно, найду на чем экономить.

И снова вздыхали чиновники: сама может и будет экономить, а фаворит как? Григорий Орлов жить привык на широкую ногу, даром что недавно из казарм, ему все лучшее подавай.

Никто не заметил одного: в первые же дни Екатерина явила характерную черту – жить для самой себя экономно и скромно, а вот для других блистать!

Пора бы уже и в Москву отправляться, но императрице все недосуг, дел накопилось столько, что спать некогда, не только о коронации думать. Панин ворчал:

– Нельзя нарушать программу празднеств, народу соберется много...

– Никита Иванович, а поезжай ты с наследником вперед, а я вас догоню. Я быстро поеду, без остановок. А чтоб ничего не боялся, вон, придворного медика с собой возьми, Кроузе.

Панину очень не хотелось ни ехать одному, ни мчаться вместе с Екатериной галопом. Из двух зол он выбрал меньшее – послушал совета императрицы и отправился с восьмилетним Павлом в Москву, оставив Екатерину в Петербурге.

Она действительно выехала только через четыре дня. Каков же был ужас, когда на полпути обнаружилось, что внезапно заболевший Павел лежит на захудалом постоялом дворе, а вокруг бестолково хлопочет Кроузе! У ребенка жар, чем болен – непонятно.

Екатерина забыла, что она российская императрица, что ее ждут, что она давным-давно говорит по-русски, пусть и с сильным акцентом, уселась в изголовье, положила голову сына

на колени, принялась отирать пышущий жаром лоб влажной тряпицей, баюкать по-немецки... Возможно, что все прошло бы и само собой, а может, помогла материнская ласка, только на следующее утро жар спал, Павлу полегчало.

Им бы еще переждать пару дней, но времени не осталось, скрепя сердце Екатерина решила оставить Павла с Паниным, чтобы приехали позже, но потом передумала, поняв, что не сможет провести коронацию, если будет знать, что сын болен. А уж, не дай бог, случится с Павлом что дурное, так ей и вовсе не жить, обвинят!

Мальчика устроили в той же карете, уложив головой матери на колени. А напротив сидели Панин и по очереди кто-то из секретарей – дела не ждали и здесь.

Москва была разукрашена, раззолочена, всюду гирлянды цветов, празднично разодетый народ, восторженные крики толпы. Кажется, половина России, разряженная и увешанная драгоценностями, собралась в Москву, чтобы приветствовать императрицу и цесаревича. Павел пугался, жался, но не к матери (было как-то неудобно), а привычно – к Панину. Тот поддерживал наследника, как мог.

Екатерина улыбнулась:

– Привыкай, Павлуша, теперь всегда так будет.

Тот одними губами еще в корочке после жара прошептал:

– Я лучше домой...

Да, какой из него император? Тотчас и власть отберут, и жизнь вслед за властью. Придется править за него, пока не подрастет. В тот миг Екатерина была даже готова сама поверить, что отдаст власть повзрослевшему сыну. Но только в тот миг, в глубине души она прекрасно понимала, что никогда не отдаст. И не просто власть не отдаст, править не позовет даже рядом с собой. Слишком долго она ждала этого часа, слишком многое передумала, слишком хорошо знала, как должно быть в стране.

Понял это и Панин; Никиту Ивановича не могло обмануть внимание матери к сыну, наставник цесаревича прекрасно понимал, что Екатерина торопится короноваться, чтобы получить полную власть в свои руки, вовсе не для того, чтобы ее вскорости отдать сыну, что Павел будет для матери помехой. Понимал, но поделаться пока ничего не мог.

Панин уже осознал, что регентшей Екатерину не сделать, не на ту напал, придется терпеть императрицей, пока сын не повзрослеет. Одно дурно: все больше голосов раздастся, чтобы она замуж вышла. В этом, а не в самовластье императрицы, была куда большая угроза для Павла, а следовательно, и для самого Никиты Ивановича. Если Екатерина с немецкой педантичностью станет наводить в России порядок, то пусть наводит – оттого никому не хуже. Но если она выйдет замуж, то наследника могут и убрать...

Панин зубами скрипел, когда слушал о возможности брака Екатерины и Ивана Антоновича, слабоумного заключенного Шлиссельбургской крепости. В том, что свергнутый император действительно слабоумен, наставник цесаревича не сомневался, слышал об этом от Петра: тот рассказывал о своем посещении узника. Немудрено, не знать в жизни ничего, кроме стен каземата, и никого не видеть, кроме неграмотных тюремщиков, где тут взяться уму-то?

Но воспитателя бесило и предложение Бестужева, которого Екатерина вернула из ссылки. Алексей Петрович точно в опале разум потерял, он соглашался с венчанием императрицы и Гришки Орлова! Неужели неясно, что тут же последует новый переворот и чем закончится – неизвестно.

От невеселых размышлений о семейных проблемах и проблемах власти сидевшей напротив него красивой женщины Панина отвлекли выкрики толпы:

– Матушка Екатерина Алексеевна! Матушка-государыня!

В Москве народ не кричал «Виват!», как в Петербурге, тут больше «матушка!». Какая она им матушка, ежели Екатерина немка? Но Панин должен признать, что, несмотря на немец-

кий акцент, Екатерина куда больше русская, чем сестры – бывшая фаворитка Петра III Лизка Воронцова и Екатерина Дашкова.

Умно поступала императрица-немка, ох, умно. Народу улыбалась, крестилась размашисто на каждый крест на соборном куполе по пути, а их на Москве множество. Над древней столицей плыл приветственный колокольный звон, заставлявший истово креститься и всех остальных. И вот это единение императрицы с народом казалось особенным. За движение руки ото лба к поясу и от правого плеча к левому ей многое могли простить, тем более, в России хорошо знали, что Екатерина не играет, она и впрямь твердо держит посты и соблюдает все правила...

– Наша... матушка... государыня... наконец-то, после немчуры своя русская...

Скажи кому, что Екатерина больше немка, как и Петр, не поверят, а то и побьют. Уже по Москве слух пустили, что ее в детстве выкрали из России, а государыня-матушка Елизавета Петровна заставила вернуть, чтобы за своего племянника-немчуру замуж выдать. Наследник хоть наполовину русским будет...

Панин злился на глупые слухи, но что можно возразить, что наследник русский только на одну восьмую, потому как из его предков только дед Петр Великий русским был, а все остальные родственники немцы? Да и не тем заняты мысли Никиты Ивановича: наследник больно плох, жар сначала спал, а потом снова усилился.

Коронация Екатерины была немислимо богатой, от блеска драгоценностей на самой императрице, ее придворных и гостях просто рябило в глазах, в золото разодето и духовенство, звон колоколов не смолкал, кажется, и ночью, приветственные крики праздновавшего народа тоже.

Главное действие проходило в Успенском соборе Кремля, перед пятьюдесятью празднично одетыми иерархами церкви Екатерина стала императрицей и самодержицей всея Руси, получив корону на голову и скипетр с державой – символы царской власти – в руки. После прочтения архиепископом Новгородским чина святого помазания на царствие, Екатерина стала также главой православной Церкви. Она, рожденная в лютеранстве, все родственники которой, кроме бледного восьмилетнего мальчика, робко жавшегося к своему воспитателю, были лютеранами, возглавила православную Церковь. Пожалуй, это потрясло Екатерину больше короны, к которой она уже была готова.

Сама корона тяжела, она страшно давила на лоб, даже голова разболелась, но ни снять, ни даже поправить несколько часов нельзя, пока проходила длинная торжественная служба, в руках у императрицы были скипетр и держава, не отдавать же их кому-то подержать. Мелькнула мысль прямо скипетром чуть подвинуть корону повыше, но потом представила себе такую картину и чуть не рассмеялась от нелепости.

Екатерина выдержала все: долгую, очень долгую службу, медленное шествие из собора к раззолоченной карете, пока народ кричал, приветствуя, а слуги разбрасывали те самые рублевики, на которых она настояла, в толпу, потом пир в Грановитой палате. Там уже можно отложить скипетр и державу и чуть поправить корону. Народ в это время отдавал дань расставленным на длиннющих столах пирогам, мясу, множеству напитков. Как в Петербурге после переворота в знак благодарности, так и в Москве при коронации поили и кормили от пуза всех, деньги разбрасывались щедро: пусть народ русский запомнит, как пришла к власти государыня-матушка Екатерина Алексеевна.

Восемь дней длились праздники в Москве, восемь дней приемов, пиров, балов, фейерверков, крика, шума, бесконечных переодеваний и улыбок... Она выдержала все, ни разу не пожаловалась, не сказала, что устала, что больше не может. Приняла представителей всех народов России, послов всех государств, прибывших на коронацию, купцов, промышленников,

даже просто подданных, сложившихся ради подарка императрице по случаю праздника... Всех поблагодарила, со всеми была любезна...

Она выдержала все, Павлуша нет. Мальчик, и без того хилый и слабый (сказалось теплое воспитание бабки Елизаветы Петровны), снова расхворался, причем Кроузе не знал, как лечить. Цесаревич огнем горел, был слаб настолько, что и руки не поднять.

Екатерина забыла о праздниках, села у изголовья сына и почти не уходила день за днем. По Москве поползли слухи один другого гаже, мол, травлен цесаревич-то, вместе с отцом травлен. Теперь Екатерина императрица, ей сын вовсе ни к чему, можно и убирать. Народ, который только вчера кричал взахлеб «Государыня-матушка!» и радовался ее воцарению, теперь едва не ополчился против. Императрица хорошо понимала нависшую угрозу, случись что с сыном – обвинят ее. Это Петра никто не пожалел, хотя все равно говорить, что убит, станут, на всякий роток не накинешь платок, а уж о цесаревиче, безвинном ребенке, и не то скажут. Мать виновата!

– Неужто яд?!

Кроузе разводил руками:

– Не ведаю, Ваше Величество. Непонятно сие...

Орлов пытался успокоить:

– В обиду не дадим... есть кому защитить...

– Гриша! Не о себе думаю. Что будет, ежели с Павлушей что случится? Нет у меня больше детей...

Григорий даже обиделся:

– Как нет, есть у нас с тобой.

– Ты думаешь, что говоришь?! Как можно признаться, что есть?!

– Ничего, еще родишь, молодая еще, крепкая.

Екатерина только рукой махнула, ушла к сыну. Сейчас она прекрасно понимала, что от того, справится или нет с болезнью Павел, зависит не только его собственная, но и ее жизнь. Орлов не помощник, никакое заступничество гвардии, которая и так братьями Орловыми недовольна, не спасет. Но сейчас думалось не о том: цесаревич метался в бреду.

Екатерина вспомнила, как болела в первый год своего пребывания в Петербурге сама, разве что ни гроб приготовили, а она выжила. Что помогло? То, что крестилась и исповедалась, а еще молебны за здравие. Павел крещен сразу же, исповедоваться пока ни к чему, а молебны императрица заказала немедля. Их служили и в храмах, и прямо в комнате, где метался в жару цесаревич.

– Господи, сохрани жизнь моему сыну! Построю больницу для малоимущих.

То ли природа все же взяла свое, то ли молитвы помогли, то ли данный матерью обет, но на восьмой день жар спал, угроза жизни миновала.

– Никита Иванович, кто в Москве из архитекторов больницу лучше построить сможет?

Панин хотел сказать, что денег все равно нет, но Вяземский быстро нашел выход:

– Надо сыскать должника, чтоб он за свой счет и построил.

– Вот ты, Александр Алексеевич, голубчик, и найди. Но чтоб он ради своего освобождения от долга не настроил тут сараев, которые первым же ветром порушит.

– Найду... есть на примете...

По тону, которым говорил Вяземский, было понятно, что должник у него есть на примете.

Екатерина разговор продолжать не стала, но позже осторожно поинтересовалась у Вяземского:

– Ты кого нашел-то, Александр Алексеевич?

Сердце верно предчувствовало, назвал да такого, что императрица дар речи потеряла:

– Глебова Александра Ивановича.

– В своем ли уме?

– Могу доказать... Немало в карман положил за Семилетнюю войну, пока поставками в армии занимался.

Екатерина рукой махнула:

– Ежели всех обвинять, кто в те времена нажился, так тюрем не хватит.

– А я не о тюрьме речь веду. Есть у него рядом с Даниловым монастырем большая усадьба, старая, сильно запущенная, почему бы не пожертвовать на благое дело?

– Я сама поговорю...

– Как пожелаешь, матушка.

– Ну ты-то хоть матушкой не зови!

Вяземский рассмеялся:

– Хорошо, Ваше Величество.

Цесаревич Павел выздоровел, все обошлось, генерал-прокурор Глебов Александр Иванович вдруг пожертвовал в пользу казны (злые языки поговаривали, что просто вернул часть награбленного, но на то они и злые, чтобы хулу на умных людей возводить) свою московскую усадьбу. Тайный советник Иван Онуфриевич Бурлыкин занялся подновлением старых зданий, сделали все быстро: и уже через год больница, названная Павловской, приняла первых пациентов. Было их всего двадцать пять, через год началась постройка новых корпусов, церкви и флигелей для служащих.

Об открытии было объявлено: «...неимущие люди мужеска и женска пола, как лекарствами и призреванием, так пищею, платьем, бельем и всем прочим содержанием довольствованы будут из собственной, определенной Его Высочеством суммы, не требуя от них платежа ни за что, как в продолжении болезни их там, так и по излечении».

Екатерина, протягивая сыну специально выбитую в честь этого случая медаль с надписью: «Освобождаясь сам от болезней, о больных помышляет», улыбнулась:

– Твоя больница. Не забывай о том.

Павел не забыл, он всегда покровительствовал Павловской больнице; уже во времена его правления архитектором Казаковым были построены новые каменные корпуса в дворцовом стиле. Больница пережила не только того, в честь кого была открыта, но существует в XXI веке, так и называясь в народе Павловской.

А Глебов еще много поработал на пользу Отечеству, но Екатерина уже не так доверяла ему, тем более его махинации и взятки все же были раскрыты в ходе расследования дел о казнокрадстве, и в 1764 году он даже уволен с должности генерал-прокурора... Однако к следствию Александр Иванович привлечен не был. Вот как полезно вовремя подарить свое ненужное имение казне!

Но видно красть Глебов так и не научился, натуру не изменишь, через двадцать лет все же был указом императрицы признан виновным, исключен со службы с запрещением проживать во всех местах, где появляется императрица (с глаз долой!), а на его имущество наложен арест. Когда еще через шесть лет Александр Иванович скончался, все его состояние пошло на уплату долгов и начетов. Правда, едва став императором, Павел в пику материнским указам все вернул наследнице Глебова. Павел многое сделал назло материнской воле, причем далеко не все осмысленно.

На коронационных праздниках одним из главных распорядителей невольно оказался Григорий Орлов. Неумная энергия молодого красавца-гвардейца помогала пробивать толпы народа, которые иногда даже просто подвинуть по пути следования императрицы было трудно. Григорий купался в лучах славы.

В день коронации Екатерина, блестя глазами, подала любовнику лист с указом. Орловы получили графское достоинство, а сам Григорий произведен в генерал-поручики и стал генерал-адъютантом. Гришка опустился перед своей благодетельницей на колени, припал к руке:

– Государыня-матушка... благодарствую...

– Гриша! Да ведь я любя!

– И я, – не понял императорского неудовольствия Орлов.

– Матушкой к чему зовешь?

– А как?

– Прилюдно зови, а наедине к чему?

– Катя, да ведь ты императрица теперь коронованная, к тебе и подходить страшно.

Екатерина рассмеялась:

– И то... В комнату вхожу, словно голова медузина, все каменеют и заикаться начинают.

Я изменилась?

Теперь улыбался уже и Орлов:

– Нет. Только краше стала от волнения.

Она присела в кресло, вздохнула:

– Устала, сил нет. Голова от короны болит, а того больше от мыслей. Павлуша, слава богу, выздоровел, хоть о нем сердце болеть перестало. Да все равно слабый он, любого ветерка боится.

– Поручила бы воспитание Павла Орловым, а не Панину, был бы сильный.

Императрица смеялась от души:

– Не в обиду будет сказано, Гриша, много ли ты книг прочел и языков знаешь, чтобы будущего императора воспитывать?

Орлов губы все же поджал, обиделся, но добрый малый – долго дуться не смог, тут же вздохнул:

– Кабы меня, как вон Потемкина, с детства к чтению приучали, я, может, и прочел бы.

– Ноне читай.

– А что?

– Я тебе список составлю.

– Только я по-французски не могу...

– Учись, Гриша, французские философы больше других сейчас пишут. Но пока русские возьми.

Немного погодя Екатерина все же поинтересовалась:

– А где Потемкин, неужто не вернулся из Швеции?

Григорий явно нахмурился:

– Вернулся, как не вернуться, там не оставили...

– И что же?

– Да все в порядке.

– А почему ко мне не пришел доложить?

– Ты занята была, я не пустил! – почти взвился Орлов. – Он мне все сказал.

«Ревнует», – поняла Екатерина и вдруг чуть улыбнулась:

– Гриша... у нас с тобой дите будет... тяжела я...

Орлов почти задохнулся, подхватил ее на руки, прижал к себе:

– Катя!..

И вдруг словно осознал нечто жизненно важное:

– Венчаться нам надобно немедля!

– Как?!

– Чтоб дите законным было.

– Как венчаться, Гриша?! И так едва держусь на престоле, а объяви сейчас о венчании, что будет?

Григорий расстроился: неужто теперь так и жить любовниками?

– Бестужев все о том же речь ведет, да только пока все расшевелится, я уж с пузом буду. Хороша невеста – под венец на сносях!

Орлов, услышав о заботе Бестужева, воспрянул духом, Екатерина вернула опального Алексея Петровича Бестужева-Рюмина сразу после переворота, как и Елагина, оба имеют на императрицу влияние. Его надо использовать. Григория мало волновало то, что невеста у алтаря будет пузатой, все лучше, чем тайно рожать, но он понимал, что вдруг этого делать нельзя, гвардию надо подготовить.

– Гриша, а Потемкина не гони, пусть при дворе будет. Я его камер-юнкером сделаю, чтоб имел право приходить. Забавный он... и поговорить есть о чем.

Конечно, Орлову мало понравился интерес любовницы к красавцу Потемкину и ее замечание о возможности разговоров с Потемкиным, но сейчас куда больше волновал вопрос женитьбы...

Над Москвой плыл колокольный звон. Много в Первопрестольной церквей, соборов и колоколов, не то что в Петербурге. Один колокол начнет, другой подхватит, остальные поддержат, звонят к заутрене, а чудится будто праздник какой...

Но Москва не торопилась признавать над собой власть императрицы-немки, ее в Петербурге гвардейцы на трон посадили, а Москва еще не осознала, она неспешная.

И правда, еще очень нескоро и Первопрестольная признает Екатерину Великую, хотя она так и останется иностранкой на престоле.

– Ничего, и тебя пересилю... Дай срок, справлюсь...

И вдруг точно гром с ясного неба: в гвардии заговор!

В гвардии?! Той самой, что возвела ее на престол, заговор с целью теперь низвергнуть и посадить «дурачка Иванушку»?! Да они в своем уме?! Мало было Петра, теперь надо и вовсе полоумного посадить, чтобы развалили Россию?

Первым желанием было закричать, чтобы провели жестокое расследование и казнили всех, кто только подозревается в участии. Но сказала привычка не выдавать своих мыслей, промолчала, а через пару минут уже заговорила иначе.

Решению императрицы подивились и Панин, и Орловы: расследование вести секретно, чтобы и слух не просочился, пытки ни в коем случае не применять, если дело далеко не зашло, то и тем паче не усердствовать.

– Позовите ко мне Степана Ивановича, с ним еще поговорю.

Степана Ивановича Шешковского Екатерина с должности главы Тайной экспедиции, в которую превратилась прежняя Тайная канцелярия, снимать не стала, напротив, отдала весь сыск в его опытные руки. О нем уже тогда ходили слухи один страшней другого, говорили, что Шешковский не выведает только у мертвого, хотя никто не знал, применяет ли он пытки. Вроде и не применял, но иногда ожидание тяжелее самой боли. Шешковский умел запутать, мельком в разговоре заставить выдать потаенное, выведать то, о чем преступник говорить и не мыслил.

– Степан Иванович, нельзя, чтобы разговоры пошли, что меня гвардия не поддерживает. Посему расследовать тайно, наказать примерно, а я помилую, но так, чтобы поняли, что сказав еще раз лишнее слово, плахи уже избежать не сумеют.

Заговорщиками оказались Петр Хрущев и братья Гурьевы: Семен, Иван и Петр. Гвардейцам, видно, не давали покоя лавры Орловых, решили все переиначить по-своему и сами рядом с тронном усесться. Агитируя в гвардии, прикрывались именами Шувалова и Воронцова, мол, эти тоже супротив Екатерины как императрицы, хотят если не Ивана-дурака, то Павла

Петровича, а не немку. Бузила гвардия, мол, мы немку ради Павла Петровича на престол возводили, чтобы она Россию лишь до его взросления поберегла, а Екатерина сама голову под корону подставила!

Екатерина понимала, что это все цветочки, что власть надо укреплять срочно и серьезно. Шешковский справился со всем быстро и действительно тайно. Закоперщики оказались болтунами, тут же признавшимися, что ни с графом Шуваловым, ни с Воронцовым никогда не беседовали, просто понимали, что те новой властью обижены, вот и назвали известные фамилии.

Панин выговаривал императрице за излишнюю снисходительность:

– Ваше Величество, да ведь только поощрите новых заговорщиков, а свою жизнь под угрозу поставите.

Екатерина смотрела на Панина и думала, что уж он-то от нового переворота больше других выиграет. Но привычно молчала, за много лет при императрице Елизавете Петровне, а потом недолгом правлении мужа-самодура она научилась молчать.

Не успели с гвардейцами разобраться, как новый заговор, вернее, глупость. Молодой офицер Хитрово задумал убить Орловых, потому что прошел слух о возможной свадьбе императрицы с Григорием. Его поддержали всего несколько человек, но было понятно, что в гвардии такой возможностью недовольны.

Григорий злился:

– Завидуют, подлецы!

– Конечно, завидуют. А ты бы, Гриша, не завидовал?

Снова все замяли, Хитрово отправили в его орловское имение с требованием носа не казать, иначе вместе с носом и головы лишится.

Только разобрались с гвардейцами, Гришка решил, что пора действовать, пристал к Екатерине приступом: надо венчаться, Бестужев, мол, поддерживает, а что люди болтают, так найди о ком не болтают. Сенаторы стерпят, стерпели же, когда Елизавета с Алексеем Разумовским венчалась.

– Что говоришь-то?! Сама едва держусь на престоле, а ты меня на дно тянешь! Дай всему успокоиться, тогда решать будем. И не венчалась Елизавета с Разумовским, слухи все это.

Зря сказала, потому что Орлов стал на тайное венчание упираться:

– Было сие! Хоть у самого Разумовского спроси. У него и документ есть.

Наконец Екатерина решилась, но не венчаться, а отдать решение на всеобщее рассмотрение:

– Как Сенат решит, так и будет!

Сенат решил против. Панин, прекрасно понимая, что последует за таким венчанием, что и народ, и гвардию успокоить не удастся, высказался открыто:

– Мыслию, императрица Российская вольна поступать, как ей вольно. – Не успела не ждавшая такого начала Екатерина мысленно ужаснуться, как Никита Иванович продолжил: – Но госпоже Орловой на престоле не бывать.

Его поддержали остальные.

Орловы настаивали уже все, один старший Иван предусмотрительно снова был в стороне и даже уехал в свое имение, обозвав братьев дураками, границ не знающими.

– Венчаемся тайно, как Елизавета с Разумовским.

– Не было такого венчания!

– Было, Катя, я Воронцова к стене прижал, он и выдал тайну. У Алексея Разумовского документ есть. Хочешь, сама спроси.

– Вот еще.

Но как ни сопротивлялась, пришлось уступить. Приготовила манифест о своем венчании с графом Григорием Григорьевичем Орловым и грамоту, жалующую Алексею Разумовскому

право зваться Его Императорским Высочеством, если обнаружится, что у него документ о венчании есть.

Все ахнули.

– Теперь осталось у самого Разумовского узнать, где тот документ.

– Поехали к нему.

– Нет, пусть граф Воронцов съездит, чтобы подозрений никаких не было. Это передать Разумовскому, а от него бумагу нужную привезти, коли даст, – Екатерина протянула Воронцову жалованную грамоту.

Она передавала свою судьбу в руки того, кто совсем недавно ее первейшим врагом был, уж Воронцова никто заподозрить в подлоге не сможет. Дядя бывшей фаворитки никак не мог желать ни воцарения Орловых, ни триумфа самой Екатерины, а потому, если есть документ, привезет обязательно. И Разумовскому скрывать ни к чему, докажет, что он был супругом императрицы, пусть и тайным, станет зваться Его Императорским Высочеством.

И в этом тоже угроза Екатерине, получалось, что Разумовский права на престол тоже имеет. Куда ни кинь, всюду клин.

Пока Михаил Воронцов к Алексею Разумовскому ездил, Екатерина, кажется, все каблук истоптала, по зале расхаживая. Орловы смотрели на нее с насмешкой. Сама дала Разумовскому такую зацепку, чтоб признался, что брак был, кто же откажется? Гришка уже прикидывал, каково будет на троне сидеть, а вот Алексей соображал, сколько потребуется вина поднести гвардейцам и как увещевать, чтобы братца в качестве императора приняли. Сенат он не боялся: там половина сидит тех, кого давно ссылка ждет, к чему только Катя их и оставила на месте? Мысленно подсчитывал, кого в Сибирь отправить, а кого просто именем ограничить.

В казне пусто? А вон у этих и возьмем, по ссылкам разгоним и возьмем. Воронцовы да Шуваловы ох как богаты, и Панин тоже не бедствует, у многих найдется что взять, и на гвардию хватит, и для казны тоже. Может, Катя для того все и задумала?

Алехану даже стало смешно, ох и хитра! Сенат спрашивает, переживает, а у самой небось в голове те же мысли, что и у него. От Гришки Екатерина не откажется, замуж за него не прочь, ей мужская рука ой как нужна. А казна за счет опальных пополнится, и полегчает.

Орлов не знал, что ошибается, не о том думала Екатерина. Да, Григорий Орлов был ей дорог, любила, ночи без него провести не могла, да только венчаться ни явно, ни тайно с ним не желала. В другое время, может, и пошла бы под венец, но только не сейчас. Она не зря говорила Гришке, что на троне сидит, как на углях, так и было, каждый день как по тонкой жердочке над пропастью, а он со своим венчанием и жердочку ту раскачивает, и ее саму тоже, не может понять, что падать будут вместе.

Гадала Екатерина не о судьбе сенаторов, которых Алехан Орлов в Сибирь определял, а о том, поймет ли ее задумку Разумовский, спасет ли?

Михаил Илларионович Воронцов добрался до Алексея Григорьевича быстро. Разумовский визиту удивился, но выслушал спокойно, приветливо, потому что вообще был человеком выдержанным и мягким. Взял грамоту, внимательно прочитал, хмыкнул и вернул Воронцову.

– Так есть ли тот документ, Алексей Григорьевич? Всякий ведь знает, что есть...

Разумовский, не отвечая, принес большую резную шкатулку, открыл ключиком, достал из нее вторую, ключ для которой снял уже с груди, видно носил рядом с нательным крестом из-за важности. У Воронцова даже в глазах зашипало: вот оно!

Бывший канцлер внимательно следил, как Разумовский достал из шкатулки перевязанный розовой атласной ленточкой свиток, поцеловал его и... Это было настолько неожиданно, что канцлер даже не успел метнуться к Алексею Григорьевичу, только крикнул:

– Нет!

На крик в комнату заглянул слуга, Разумовский показал ему знаком, мол, все в порядке, и насмешливо заявил Воронцову:

– Я у императрицы Елизаветы Алексеевны был всего лишь рабом ничтожным, им и остался. Нет у меня никаких документов, так и скажите императрице. Посему никаким Высочеством именоваться не могу.

Глаза бывшего канцлера и бывшего фаворита встретились, они долго молча смотрели друг на друга; Воронцов понял, что Алексей Григорьевич прав, потому что Екатерина на престоле это одно, а братья Орловы – совсем другое. Лучше уж так, как есть.

Воронцов молча кивнул, так же молча поклонился и вернулся во дворец, а Разумовский еще долго сидел, печально глядя, как догорает свернутый трубочкой документ... На самом краешке на миг мелькнула и исчезла подпись императрицы Елизаветы Петровны.

– Нет, Лизанька, не нужны мне подачки новой императрицы... был я твой, твой и останусь...

На следующее утро он получил письмо, почти записку с одним-единственным словом «Благодарю» и без подписи. Но Разумовскому не нужно было гадать, от кого этот листок, также нашедший свой конец в огне камина. Да, вчера он спас Екатерину от нежелательного замужества, но более всего спас Россию от новой смуты и возможного воцарения тех, для кого престол не место служения стране, а место обогащения.

Когда Воронцов вернулся во дворец, уже по одному его виду было ясно, что ничего не привез.

– Нет такого документа, Ваше Величество.

Екатерина коротко кивнула:

– Не было тайного брака, слухи все это. Делами заниматься надо, а не прожектками.

Встретившись взглядом с Алеханом Орловым, она выдержала его испытующий взгляд. Алексей усмехнулся:

– Не бывать Гришке императором. А ты, Катюша, молодец, хитро придумала, чтобы Разумовского соблазнить. Почему он отказался, как мыслишь?

– Потому что не было этого! – почти оборвала его Екатерина. – Неужели вам, Алексей Григорьевич, сие не стало ясно?

И снова схлестнулись взгляды. Алехан Орлов понял, что переломить Екатерину так просто не удастся. Ладно, Катюша, мы тебя другим возьмем, почувствуешь, что значит страх...

Орлов носом крутил: у Екатерины снова долгая беседа с Иваном Ивановичем Бецким, снова обсуждали, как новую породу людей вывести. Григорий смеялся:

– Катюша, тебе старых мало? Или намерена, точно породистых кобелей, людей скрещивать?

Государыня головой качала:

– Гриша, вот наш с тобой Алексей буде не в такой семье рожденным да не с такими ловкими родителями, куда делся бы?

Орлов, у которого детей по всему свету раскидано и который не знал о них большей частью, только плечами пожал:

– Как все...

– Вот то-то и оно, что никому не нужен. А сколько таких смерть свою в сточных канавах да под кустами находят?

– Чего ж теперь, всех подкидышей собирать? Россия велика, бабы много рожают, особенно при дворе, – его глаза почти лукаво заблестели. Конечно, Орлов прав, при дворе рожали часто, а детей отправляли в деревню и больше не вспоминали.

– Иван Иванович предлагает приемный дом открыть, чтобы туда любая могла принести дите и, не называя своего имени, оставить. Воспитывать будем за казенный счет, да благотворители помогут.

У Бецкого был резон о бастардах задумываться, он и сам бастард – сын князя Трубецкого, от которого и получил усеченную фамилию Бецкой.

Они с Екатериной уверены, что главное – воспитание, дите – это глина, из которой можно вылепить что угодно. Не все соглашались, но понимали, что если уж не переделать, то хоть воспитать ребенка можно. Бецкой хвастался первыми воспитанниками:

– Уже есть такие...

Григория заинтересовало, как происходит прием.

– А просто. Снаружи лоток, в который можно положить младенца, чуть стукнуть в окошко, чтобы приняли, и уйти. По наклонному желобу дите в свертке попадает в руки няньки внутри. Никто и не спросит о матери и отце.

– Так вас завалят выблядками!

– Гриша! Среди тех детей талантов немало сыщется, не сомневаюсь. Вот увидишь!

Чувствуя дружный отпор императрицы и Бецкого, Орлов отступал, но оставался в уверенности, что так они только поощряют рождение выблядков, потому как бабы, зная, что дите примут, меньше беспокоиться будут.

Екатерина в ответ горячилась:

– Рожали и рожать будут, на то женщины Господом предназначены. Дурно, что незаконных, а только если по любви или просто страсти, так пусть дите живет. От сотни таких подкидышей, чаю, Россия не обеднеет, а сотня умных людей ей пригодится.

Но теперь они обсуждали нечто другое. Прислушавшись, Орлов хмыкнул: то подкидышей воспитывают, теперь вон девок учить вздумали! Ей-богу, точно дети малые, считают, что достаточно девицу образовать, чтобы ее потомство было умным, воспитанным и тоже образованным. Нет, Григорий понимал, что от матери немало зависит, добрая мать у человека в памяти на всю жизнь, но того и достаточно. А учить девок математике или вон химии вовсе ни к чему, мальчишки и те большей частью невежды. Сам Орлов нисколько не страдал от неумения писать без ошибок, считая, что и Екатерина зря переживает из-за своей хромающей на обе ноги грамматики. А секретари на что, таких умных, как вон Потемкин, достанет ошибки исправлять. А не исправят, и без того обойтись можно, велика важность, с ошибкой слово написано или нет, главное, чтобы понятно было.

Григорий не отдавал себе отчет, что такими мыслями просто старается оправдать недостаток собственного образования, и Потемкину, с легкостью поглощавшему тома и умевшему рассуждать на любые темы, весьма завидовал. И сам тоже многим стал интересоваться, кроме охоты да застолья, с такой любовницей, как Екатерина, поневоле читать начнешь. Она меньше года на престоле, а дел сделала, сколько Елизавета Петровна за половину правления не успела. Ну, может, и не столько, но немало. При этом Екатерина не суетилась, напротив, быстро написала каждый день по часам и старалась жить сообразно этому распорядку. На вопрос зачем, спокойно объясняла, что так легче всем: каждый знает, когда прийти, о чем доложить, когда его ждут, а когда нет.

Размышляя об особенностях своей любовницы, Орлов отвлекся. Прислушавшись снова, убедился, что Екатерина и Бецкой продолжают обсуждать открытие Воспитательного общества благородных девиц.

– Нет, брать только дворянок, я должна потом иметь возможность их принимать при дворе. План воспитания мне предоставить, учителей пока из Европы привезете, свои не готовы.

Так рождался замысел будущего Смольного института, выпустившего немало образованных девушек – каждый год по 30–50 выпускниц. Невесты-смолянки весьма ценились в аристократических кругах России.

Екатерина основательно изучила и так же основательно правила написанный Бецким «Устав воспитания двухсот благородных девиц», потом подписала указ о передаче новому учебному заведению зданий, построенных Бартоломео Растрелли для Воскресенского девичьего монастыря.

– Мыслию, Иван Иванович, что состоятельные семьи своих девочек на двенадцать лет нам не отдадут, станут по-домашнему обучать, разве кто по сиротству будет отдан. Потому больше жди бедных да неродовитых. Но то не страшно, только нельзя, чтобы меж ними различия делались, озаботься этим. Пусть никто не знает, у кого какое приданое либо состояние, всех не только учить равно, но и поминать о деньгах. Трудно будет такую наставницу найти, да я верю, что сыщете.

Бецкой нашел, первой и многолетней наставницей Смольного института стала Софья Делафон. Привез ее Иван Иванович из Парижа, но нарочно этим не задавался, просто Софья пришла в русское посольство просить в долг, чтобы помогли до Петербурга добраться. Родители самой Софьи были гугенотами и некогда бежали от преследований из Франции вместе с многими другими. Оказавшись в Петербурге, духом не пали, основали первую приличную гостиницу в городе, а свою пятнадцатилетнюю дочь выдали, как они считали, счастливо замуж за генерала-француза, бывшего на русской службе.

Генерал недолго прожил спокойно, он постепенно сходил с ума, превращая жизнь жены и маленьких детей в сущий кошмар. Но Софья не отдала его за решетку, напротив, повезла по всей Европе, пытаясь вылечить. Не помогло, муж умер в Париже, оставив Софью с детьми без гроша в кармане. Вот и пришла бедная женщина в посольство просить займы, чтобы хоть до Петербурга доехать, а там как бог даст.

Что-то особенное увидел в ней Бецкой, потому что сразу пригласил на должность директрисы нового заведения. Софья загорелась его идеей не меньше самого Ивана Ивановича, государыне тоже понравилась, и была утверждена. Софья Делафон стала настоящей матерью многим десяткам девочек, получивших воспитание в Смольном институте. Отношения с императрицей у нее со временем несколько разладились, Екатерина даже не торопилась делать ее статс-дамой, вероятно, просто ревновала к воспитанницам, многих из которых, особенно из первого выпуска, очень любила сама, и себя считала их приемной матерью.

Девочки вовсе не были сиротами, но воспитываясь целых двенадцать лет под присмотром чужих людей, наверняка забудут или отвыкнут от своих собственных родителей. Но Екатерина, не видевшая особой ласки от собственной матери и вынужденная с рождения отдать сына свекрови, не видела в этом ничего страшного.

К счастью, девочки нашли в Софье Делафон и остальных воспитательницах не только классных дам, но очень душевных наставниц, а потому не чувствовали себя сиротами. Много лет и императрица, и Бецкой не просто опекали институт, часто навещая воспитанниц, привозя к ним придворных, вывозя самих девушек в свет, но и выдавали их замуж. Иван Иванович даже влюбился в одну из воспитанниц первого выпуска – очаровательную Глафиру Алымову, а когда она предпочла престарелому воздыхателю молодого гвардейца Ржевского, даже уговорил молодых жить в его доме.

Орлову во избежание «ненужного» влияния Екатерина появляться без себя в институте запретила категорически. Он и не рвался, молоденькие, воспитанные в строгости девицы, способные рассуждать о высоких материях, его волновали мало, Гришу манили фрейлины, более взрослые и опытные, а также более доступные.

Но первые годы он изменял царственной любовнице, только когда та оказалась в положении. Екатерина была крепка телом, горяча в ласках и ненасытна в любви. К чему еще кого-то искать?

Несмотря на все сложности, из Москвы вернулись довольные. Екатерина короновалась, наследник выздоровел, любовник обласкан и одарен.

Переворот был завершен, начались будни.

Григорию Орлову откровенно не нравилась постоянная занятость Екатерины. Когда шли коронационные праздники, одним из распорядителей которых был сам Григорий, он купался в деятельности, внимании, блеске. Но все закончилось, выздоровел (слава богу!) наследник, вернулись в Петербург, а Екатерина как работала только с перерывами на сон и еду, так и продолжила.

Она чувствовала себя из-за беременности не слишком хорошо, а потому больших праздников старалась избегать, но малым кругом собирались почти каждый вечер. Играли в карты, шутили, танцевали, устраивали всякие забавы. Частым гостем стал Григорий Потемкин, теперь уже камер-юнкер. Красивый, статный, остроумный, он внешне ничуть не уступал Григорию Орлову, а вот образованностью и способностью вести разговоры на любые темы его превyšшал. Ловко передразнивал людские голоса, причем шуткой, обижаться было нелепо.

Первой «попалась» сама императрица, попросила кого-то показать. Григорий вдруг сверкнул хитрым взглядом и... принялся передразнивать саму Екатерину! Ее немецкий акцент удался камер-юнкеру настолько, что в первые мгновения все замерли. Казалось, еще чуть и отправится Потемкин в Сибирь, развлекать подражанием царице тюремных охранников. Но Екатерина расхохоталась, сказала несколько фраз, Потемкин снова передразнил. Так они и беседовали, минут десять каждый произнося свое, но одним и тем же голосом.

Немного позже Екатерина тихонько сказала Потемкину:

– Ты, Григорий Александрович, хорош, да только больше такого не делай...

– Не буду, матушка, – ответил хитрый Потемкин ее же голосом.

Но вовсе не только ерничеством занимался Григорий Александрович рядом с императрицей, велись у них беседы очень серьезные, подолгу обсуждали церковные вопросы, в которых Потемкин оказался докой, спорили чуть не до хрипоты, философствовали... Все чаще разговоры шли про дело, государыня вдруг стала советоваться с камер-юнкером о российских делах.

Это уже совсем не нравилось Орловым. Одно дело кукарекать, кого-то передразнивая, но совсем другое вести умные беседы. Вон об Энциклопедии Дидро половину вечера разговор вели; Екатерина рассказывала, что предложила этому французу, которого свои-то выгнали, печатать остальные тома Энциклопедии в России. Голицын и Шувалов уж так старались заманить философа в Петербург, но тот испугался, твердил, мол, в Швейцарии допечатает. Боятся они Россию, ох как боятся...

Казалось бы, императрице, которая едва сидит на троне, едва ли о французах заботиться и об их философиях, но Екатерине видней, она читала этого самого Дидро, твердит, что умно написано. Императрица понятно, а вот откуда Потемкину сие известно? То и дело по философским вопросам спорят.

Григорий Орлов только злился, ревнуя, а вот Алехан решил принять меры, но не успел, императрица пристроила Потемкина к службе...

Умные люди нужны...

Ко двору Григорий Потемкин попал благодаря Григорию Орлову: тот решил показать любовнице бойкого на язык и умело подделявавшего разные голоса приятеля-гвардейца. Потемкин в заговоре состоял, но рядом с Екатериной не был и, как Дашкова, этого себе не приписывал. Однако сразу же был обласкан и послан с важным поручением в Стокгольм. Императрица заметила в нем что-то этакое... Нет, не столько красоту и статью (хотя хватало и этого), а скорее, живой ум, напористость и особенную энергию, которой так не хватало многим.

Эта энергия была отличной от Орловых. Братья тоже красавцы, особенно Гришка, который считался первейшим красавцем в России, тоже умен, деятелен, любопытен, но он, словно необработанный камень: надо суметь повернуть, чтобы засверкал. А вот Потемкин огранен, и гранил себя сам.

Эта вот схватчивость, умение все постичь и до всего дойти своим умом, умение распорядиться и организовать роднилу Потемкина с самой Екатериной. И дело не в беседах, не ради разговоров в малом круге держала при себе этого Григория императрица, она словно предчувствовала, что позже пригодится в управлении Россией, а пока пусть опыта набирается. Ломала голову над тем, куда бы пристроить камер-юнкера, чтобы и польза была, и дело постиг. Держать его просто в гвардии толка не видела, саблей махать и без него много кому найдется.

Екатерина вдруг попросила любовника:

– Гриша, скажи Потемкину, чтоб завтра до обеда ко мне для серьезного разговора пришел.

Не успел Орлов возмутиться, как она добавила:

– И сам к тому будь.

Потемкин готовился к встрече с императрицей серьезней, чем к параду, с самого раннего утра не давая покоя камердинеру, который снова и снова начищал и без того сверкавшую амуницию и поправлял волосы. Григорий не носил парика, считая, что это удел стариков:

– Вот вылезут все волосья, тогда и надену.

Гадал и гадал, к чему звала. Сладко замирало сердце, ведь не раз замечал на себе пристальный взгляд Екатерины, знал свою статью и пригожесть, втайне, сам себе не признаваясь, на что-то надеялся. Нет, он понимал, что Гришка куда красивей, но понимал, что сам много умней и образованней Орлова.

Потемкин был безнадежно влюблен в Екатерину, причем в равной степени в императрицу и в женщину; для Григория они существовали в ней нераздельно. Видел, что еще хороша собой, что умна, что на голову выше своего бывшего мужа, что есть в ней что-то такое, что есть и в нем самом, какое-то беспокойство души и здоровая дерзость. Только такая женщина могла решиться не просто удалить мужа, но и взять власть и управление громадным государством. Вот Дашкова, хотя и беспокойна, но совсем иная, ей главное пошуметь и покрасоваться, а Екатерина – хозяйка, она желала, чтобы было по ее воле, и этим привлекала Потемкина еще сильнее.

Сочетание красивой, умной женщины и дерзкой правительницы было для него особенно волнующим. Во время долгих бесед у него голова шла кругом, а дыхание сбивалось, и только цепкая память и способность рассуждать без волнения давали Григорию возможность не молоть чепуху. Правда, постепенно привык, стал даже спорить, горячиться, потом подолгу сидел за книгами, при следующей встрече снова доказывал, что-то рассказывал... Она слушала, возражала, кажется, забывая, что она императрица, а он просто камер-юнкер.

К чему теперь звала? Потемкин нутром чувствовал, что не просто так, что встреча будет важной. То, что приглашение передал Орлов, а время назначено до обеда, означало, что не в спальню завет. Ах, как сладко защемило сердце у Григория Александровича при одной мысли о такой возможности! Но рядом с императрицей Орловы, даже если она и приветила бы его, братья стеной встали бы, дверь в спальню заслоняя.

Волнуясь, шагал по коридорам дворца. Зимний дворец неудобный, построили его еще при Елизавете Петровне, да та даже обжить не успела, так и остались многие дворцовые покои больше на казармы похожи. Анфилада комнат, нигде не уединиться, правда, при новой императрице слуг куда меньше, чем прежде, разных карлиц и убогих не видно, разных пророчиц-сказительниц, которых прежде по всем рынкам собирали, да шутов, у которых шутки лет сто уж не менялись, поганой метлой вымели, но народа все равно много.

Может, потому Екатерина больше Петергоф любила? В Ораниенбауме Петр хозяйничал, а она все больше в Петергофе. Маленький Монплезир куда уютней большого Зимнего, но Монплезир – это для Великой княгини, а императрице придется что-то свое за городом строить; Потемкин уже слышал, что хочет в Царском Селе летнюю резиденцию делать, но это пока проекты...

Секретарь доложил императрице о приходе Потемкина и пригласил его в кабинет.

Самые сладкие мечты были тут же разрушены – в кабинете сидел Орлов. Присутствие Григория делало встречу серьезной и почти официальной. Потемкин склонился перед императрицей, сидевшей за малым столиком, заваленным бумагами.

Екатерина кивнула:

– Проходи, Григорий Александрович, у меня к тебе дело, большое и важное.

Орлов усмехнулся, продолжая разглядывать какую-то табакерку.

– Рад служить, Ваше Величество.

Орлов заметно прислушивался, хотя старательно делал вид, что разговор его не интересует. Екатерина стала говорить о том, что пора учиться управлению государством.

– Ты, Григорий Александрович, я чаю, хорошо знаком со многими церковными вопросами, мы с тобой не раз о том говорили. Хочу, чтоб ты представлял меня в Синоде.

Из кабинета Потемкин уходил уже помощником обер-прокурора Синода Ивана Ивановича Мелиссино, только что назначенного на этот пост. Предлагая Потемкину стать помощником Ивана Ивановича, императрица чуть лукаво усмехнулась:

– Знаешь ли такого?

– Знаю, – то ли смущенно, то ли горделиво отозвался Потемкин.

– Хочу, чтобы он о тебе отозвался, как в первый год, а не в последний. Понимаешь, о чем речь веду? Коли все понял, иди к себе, подумай, а завтра приходи, я тебе наставления дам и обер-прокурору представлю.

Когда Потемкин вышел, Орлов осторожно поинтересовался:

– А что за отзывы?

– Когда Иван Иванович только стал ректором Московского университета, Шувалов поручил ему представить 12 лучших учеников Благородной гимназии при университете императрице Елизавете Петровне. Я сие помню. Потемкин был одним из них. Императрица посоветовала ему в гвардию идти и сделала его капралом лейб-гвардии Конного полка.

– Не помню я его в те времена в гвардии...

– Он в Москве жил. Видишь, Гриша, с каких времен я Потемкина знаю. Только его точно сглазили, учиться после того случая перестал вовсе, не считал интересным на лекции ходить, вот его и отчислили за нерадение. Мелиссино сердит был на него очень, мол, голова такая, что редко сыщешь, а в ней ветер гуляет.

– Так если ветер, чего же ты ему такое дело поручаешь?

Екатерина рассмеялась:

– А мы щели заткнем, чтоб ветер не гулял, глядишь, чего путное и получится...

Она твердо решила, что Потемкину пора и впрямь учиться управлять государством. Екатерина даже Мелиссино не стала говорить, что готовит для Синода, а представив обер-прокурору нового помощника, тут же посадила Потемкина изучать документы церковного законодательства. Причем, к удивлению Григория, сначала поручила разобраться с решениями Святейшего Синода по расколу. Главный вопрос: в чем разница между старым и новым и почему даже после манифеста Петра I о разрешении старообрядцам вернуться и ее собственного такого же манифеста почти не возвращаются? Почему чужбину предпочитают, ежели им разрешено в России жить?

Потемкин взялся разбираться. Позже это сыграло немаловажную роль в знаменитом заседании Сената и Синода, когда императрица едва не объявила об отмене государственной религии и свободе вероисповедания! Не потому, что была уж столь свободолюбива, а потому, что это оказалось последним доводом в споре со священниками за возможность вернуть старообрядцев в Россию.

Но это было чуть позже, а тогда у императрицы что ни день, то страсти, от которых у менее стойкой голова пошла бы кругом и заикание навек осталось.

Однако Екатерина не такова.

Пугаться было чего: первые годы правления Екатерина сидела на троне точно на бочке с порохом, не зная, подожжен ли шнур, а если так, то сколько ей осталось.

В казне пусто настолько, что в Петербург возвращаться было не на что. В Москве сидели, пока в долг хоть на извозчиков не наскребли. Государыня смеялась:

– Ежели на «Атлас» посмотреть, так я богатейшая императрица в мире, а коли по сусекам не поскрести, так придется идти в поле репку копать, чтобы есть было что. То-то забава будет – фрейлины по колено в навозе!

Но шутка невеселая – денег и правда не было совсем. Протягивать руки, прося в долг, опасно: никто не должен об этом знать. Стали трясти должников, но часто взять нечего. Пришлось Екатерине вспомнить об объявленной, но не проведенной Петром III секуляризации монастырских земель. Через несколько месяцев после коронации она объявила об отмене своего обещания не трогать церковное имущество. К этому подтолкнули и бунты крепостных, которые уже перешли в государственную казну и не желали возвращаться в монастырские владения.

С этим надо было что-то решать, и императрица снова передала Коллегии экономии церковные имения. Большинство молча, хотя и затаив обиду, проглотили сию меру, но нашлись и такие, что воспротивились. Архиепископ Ростовский Арсений Мацеевич зашел дальше всех. Когда Екатерине показали письма, отправленные архиепископом в Синод, она только губы сжала в ниточку. В письмах Мацеевич ругательски ругал незаконно пришедшую к власти императрицу.

Екатерина воспользовалась тем, что в Москве собрались многие, в том числе священнослужители, собрала тех, на кого могла бы надавить, и открыто спросила:

– К чему вам деньги? Не о нестяжательстве ли речи на проповедях ведете? Монастыри готова взять на казенное содержание, то, что пожертвуют, отбирать не стану, а владения обителям зачем?

Возразить не смогли, хотя понимали, что это только начало...

Императрица пошла дальше, понимая, что или заставит церковников поступать по-своему, или они поднимут против народ. Синоду намекнули, что попросту разгонят. Патриаршество еще Петр I ликвидировал, все вопросы Синод решал, но в нем половина светских, если

императрица и Синод разгонит, то Церковь вовсе без головы останется. Конечно, не навсегда, изберут так или иначе главу, но пока время пройдет...

Петр III домовые храмы закрыл и иконы со стен в соборах снимал, Екатерина, как на престол взошла, все вернула, были рады и тому, против императрицы выступать не стали. И когда она вдруг вызвала в Москву архиепископа на суд, все промолчали.

Арсений не боялся, он не считал этот суд для себя настоящим: духовное лицо светские судить не могут. Ошибся, судили. Правда, сам Мацеевич, видно, почувствовав, что перестарался и поддержки среди своих не имеет, написал второе письмо и попросил отставку. Опоздал.

Первый допрос провела сама императрица в присутствии Орлова, Панина и Шешковского. Мацеевич обрушил на Екатерину поток библейских проклятий, за что только не проклинал и чего не обещал! Императрица сначала холодно смотрела на распаленного собственной речью прорицателя, а потом демонстративно закрыла уши руками:

– Пусть кричит, я пока так посижу. А уши закрыла, чтобы его мерзостей в душу не пускать.

«Мерзости», если честно, касались все больше не отнятых у Церкви земель и имений, а поведения самой императрицы; Арсений открыто порицал ее сожительство с Орловым и покровительство убийцам Петра Федоровича. Даже с закрытыми ушами Екатерина прекрасно понимала, что именно произносит обличитель. Ее голубые глаза смотрели так, что было понятно: Арсению не жить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.